

Почти детективная история, или Путь к продюсерству

-Я пришла в эту профессию, проделав свой путь: после математической школы, института инженеров морского флота, после проектирования пирсов, причалов, доков (у меня даже было звание — инженер-лейтенант морского флота). Потом писала сценарии для научно-популярных фильмов — все больше про море, корабли, водолазов. Это было во время всплеска интереса к научно-популярному кино. А моей первой работой, где я дебютировала в качестве продюсера, была "Интердевочка". Это очень смешная история. Кунин предложил сценарий, где события развивались в Швеции. Во время Московского фестиваля я нашла Вилли Олдриджа (сына писателя), живущего в Швеции, и предложила ему участие в проекте. Он охотно согласился, нашел инвестора. Поскольку тогда еще в России продюсеров не было, то весь проект осуществлял руководитель киноконцерна "Мосфильм" Владимир Досталь. Но в какой-то момент, в самом конце производства, инвестор, который вообще-то специализировался на продаже аргентинских бычков, сел в тюрьму за неуплату налогов. И картина остановилась. Для В. Геллера, который в то время возглавлял зарубежный отдел "Мосфильма", это была лафа. Можно было несколько раз сматывать в Стокгольм. Но концов картины не находили. Все остановилось. Тогда я сама поехала в Стокгольм и с помощью знакомого шведа сразу нашла инвестора, которого под залог выпустили из тюрьмы. Он сказал: "Картину я успел спрятать (от налоговой полиции), мне нравится Тодоровский, и я готов за небольшие деньги продать ему шведскую долю картины." Мы в это время, по-моему, не то, чтобы не имели, но даже не знали, как выглядит доллар. Тем не менее, я ответила ему "окей" и представила этого знакомого шведа нашим агентом. После чего этот швед — продавец часов, выкупил за копейки (до сих пор не знаю, за сколько) шведскую долю "Интердевочки", а это 30 процентов зарубежной прибыли фильма. В результате я стала продюсером от Швеции, сделала для шведов короткую версию, а мой швед (не буду без его разрешения называть фамилию) теперь — знаменитый продюсер (сейчас его без труда можно встретить на всех кинорынках мира).

Самый скупой продюсер на "Мосфильме"

-Не секрет, что западным продюсерам во много раз легче, чем нашим. Их права защищены, престиж профессии высок. Отечественные же режиссеры и другие деятели кино в большинстве своем к продюсеру относятся враждебно...

— Все дело в том, что раньше в нашем кино не было такой профессии. И потому сейчас многие не понимают, что это такое. Одни называют продюсерами инвесторов, спонсоров, другие не знают, чем продюсер отличается от директора картины. Но и те, и другие единодушны в одном — продюсеров не любят. Как-то я предложила Юрию Каре один проект и слышу: "Говорят, вы самый скупой продюсер на "Мосфильме". Я сначала обомлела, а потом сказала: "Да"... Мы получили за "Анкор, еще анкор!" все главные призы — "Нику" и приз "Кинотавра" (и еще — приз Токийского МКФ за лучший сценарий и специальную премию жюри на МКФ авторского кино в Сан-Ремо. — Л.К.), и нам было положено по регламенту стопроцентное финансирование. Это было не в 1996-м безденежном, а в 1995 году, когда кино более или менее неплохо финансировалось. Но нам дали крохи. Сидела строгая Лидия Никифорова на Гайдамак, которая уверяла меня, что зарплата в сто тысяч рублей — это очень хорошо. А актеры, наверное, должны сниматься бесплатно. Поэтому, когда

РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ

Миря Тодоровская недавно проснулась знаменитой: телевизионную передачу с ее участием "Сделай шаг" демонстрируют уже четвертый раз (это ток-шоу было посвящено макету Москвы, которым она владеет и занимается седьмой год)! Но на самом деле она — кинопродюсер. Сейчас Миря Тодоровская занимается шестым по счету фильмом, который производится на маленькой независимой студии "Мирабел", генеральным директором и продюсером которой она является. В настоящий момент на студии в производстве два фильма: "Тайна жены и зверя" Бориса Бланка и "Ретро втроем" Петра Тодоровского.

МИРА ТОДОРОВСКАЯ:

У нас в России продюсеров не любят

да снимали следующий фильм — "Такая чудная игра", чтобы хоть что-то платить группе и актерам, пришлось отказаться от павильона. Один мой приятель показал мне заброшенный клуб 50-х годов в Солнцево. И там мы сняли всю картину. Зимой и в неотапливаемом помещении. А у нас только ночных смен было тридцать.

Я должна сказать, что это была работа на уровне подвига. Даже эти жалкие по меркам других фильмов крохи приходилось буквально "выдирать". Кстати, если вы увидите пропелшины на ковре у Армена Медведева, то знайте: это я много раз проползла по нему "на брюхе", чтобы довести картину до конца.

Во что бы то ни стало

нужно выстоять

-“Анкор...” и "Какая чудная игра" заняли определенное место в отечественном кино. Разумеется, доля успеха по праву принадлежит и продюсеру: ведь именно от него во многом зависит, как сформирована команда, как спланирован съемочный процесс, сколько привлечено средств и насколько слаженно пойдет работа в дальнейшем...

— Да, но прошел год, и грянула катастрофа: Госкино денег не получило. Инвесторы попрыгали и ждали, кто победит на выборах. Во что бы то ни стало нужно было выжить. И тогда я вспомнила свое науч-поповское прошлое. Ко мне пришли Майя Туровская и Марианна Таврог, и мы сделали замечательную, на мой взгляд, картину "Сентиментальный гротеск". Ее мне удалось неплохо продать и выручить немного денег — с тем, чтобы начать следующую, "Тайна жены и зверя" с режиссером Борисом Бланком. Этот фильм посвящен неизвестной коллекции эротических рисунков Сергея Михайловича Эйзенштейна.

Как я уже сказала, для нас это — попытка выжить. Хотя в этой области, в общем, нет конкурен-

ции. Для меня существует лишь вопрос выбора темы и применения приемов художественного кино. И с Таврог, и с Бланком мы делали кино, принципиально отличающееся от документального и телевизионного, более качественное. Но таким образом денег на большое кино не заработаешь. На эти деньги мы можем снять только такой же фильм, который мы вправе называть не документальным, а художественно-публицистическим. В ближайших планах у нас (а мы — это по-прежнему Майя Туровская, Марианна Таврог и я) фильм о русской художнице Мавриной.

Русские женщины и феминизм

-Ваше творческое "трио" — сугубо женское. Мужчин в свою компанию не принимаете принципиально?

— В Америке давным-давно появилось такое движение, как феминизм. У русских женщин гораздо больше оснований для того, чтобы стать феминистками. Но у нас просто нет времени, чтобы заниматься всей этой ерундой. Однако по части угнетения женщин, мне кажется, Россия превзойдет любую мусульманскую страну. Как ни странно, я постоянно ощущаю это на себе. Вроде бы у меня мужская профессия. Сколько женщин занимается продюсерством в России, я даже не знаю. Но со мной получается, как в узбекской сказке про дедушку и ослика: ну как ни повернет дед ослика — все безрезультатно, в конце концов взваливает его на плечи: "Фу ты, — кричит из окошек народ, — старый осел молодого везет". Можно сказать, что так складываются мои отношения с профессией...

А у меня еще один грех, я — жена режиссера. Была бы актрисой и он бы меня снимал, тогда меня все простили бы. А так... В Госкино вышел сборник "Кто есть кто в современном российском кино", и там в графе продюсеров

вы найдете кого угодно, но моей фамилии нет. Несмотря на то, что наши фильмы получили множество международных и российских премий. Я имею в виду не только картины Тодоровского.

Вот и появилась у меня еще одна идея — снять кино про женщину, которая сама решает свою судьбу. Это римейк по гениальному, на мой взгляд, фильму Абрама Роома "Третья Мещанская".

Сначала я думала, что главной героиней будет бизнес-"вумен", раскидывающая своих мужчин в разные стороны. Но потом поняла, что всем уже надоели многочисленные бизнес-леди, я сама себе надоела.

— Если не секрет, как это проявляется?

— Я вижу в себе жуткие черты. Например, если человек разговаривает со мной не по делу, я не в состоянии слушать. Все время ощущение — нет времени. Не умею отдыхать. Нужно съездить с картиной на фестиваль — с радостью совмещу отдых и работу.

В нашей новой картине все наоборот. Главная героиня — нежная, тонкая, ее тянет в прошлое, у нее бабушкин сундук, там всякая кисея да шляпки. И она не за деньги, а для себя снимает фото-ретро и говорит со своими моделями о любви. Но когда доходит до самого главного — родить или не родить ребенка, тут она превращается в кремень и сама принимает решение... В общем, я целый год уговаривала Тодоровского снять это кино, а потом еще год не было денег. Но теперь наша замечательная Лена Яковлева все это изображает на экране.

— Съемки еще не закончены. Сегодня финансовых проблем нет?

— Пока деньги есть. Я надеюсь, что до конца съемочного периода их хватит. А потом остановимся и будем искать дальше.

— Любопытно, стоял ли перед вами соблазн привлечь к работе над этой картиной какой-нибудь телевизионный канал?

— Разумеется, соблазн был. Я пыталась сделать это с самого начала. Для кинопроекта лучше сразу же планировать из своего материала две или три серии для телевидения. То есть работать параллельно — и для телевидения тоже. Но, несмотря на то, что за спиной Тодоровского масса популярных и любимых зрителем картин и наша новая история коммерческая, мои призывы ни у кого энтузиазма не вызвали — все отмалчивались. И понятно почему: рассчитывают потом купить картину "за две копейки"! Это — "рынок". Пока телевидение покупает наши фильмы за двадцать тысяч долларов, а старые за пять тысяч, они и будут крутить старые картины до потери сознания зрителей.

"Я — оптимистка!"

-В телевидение сейчас вкладываются большие деньги. Березовские, Гусинские вкладывают их, конечно, неспроста. Более того, сейчас может возникнуть парадокс: телевидение начнет скупать кинотеатры и займется прокатом фильмов. Правда, это парадокс только с первого взгляда, потому как за телевидением стоят те же магнаты... Так, может быть, это хорошо? Может, они и наши фильмы будут прокатывать? Может быть. Я — оптимистка. Стараюсь угнаться за молодыми. Мне очень нравится моя работа. Надеюсь осуществить еще один проект. И что бы ни говорили, кино продолжают снимать.

Беседу вела Лидия КРЫМОВА